

Ты
НИЧЕГО
не знаешь
о привидениях

Павел Линицкий

Павел Линицкий
Ты ничего не знаешь
о привидениях

<https://litres.ru/74545569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцатилетний Пат учится в частной школе, где - по слухам - бродят призраки учителей. Но если вы думаете, что это еще одна сопливая сказка о том, как мальчик подружился с привидениями, то вы ничего не знаете о привидениях.

Павел Линицкий

Ты ничего не знаешь о привидениях

ГЛАВА 1

Я сбежал с лестницы и свернул в короткий темный коридор. Притаившись за углом, я видел, как Нил Берри со своими дружками-дебилами промчались мимо. Теперь надо поскорее прошмыгнуть обратно на лестницу, пока они... тут мой ботинок зацепился за торчащий из пола гвоздь, и я с размаху грохнулся на колено, вскрикнув от боли.

– Стойте! Слышали? Он там! – раздался победный крик в дальнем конце коридора. Эти трое идиотов с топотом понеслись в мою сторону. Я кое-как поднялся и, припадая на охромевшую ногу, стал озираться в поисках укрытия. Нечего было и думать спастись бегством, как обычно. Совсем рядом в полумраке тускло блеснула дверная ручка. Я взмолился всем силам небесным, чтобы дверь была не заперта, и потянул её на себя. Мне повезло. Едва слышно скрипнули петли, я скользнул в спасительный сумрак и тихонько прикрыл за собой дверь, стараясь не щёлкнуть замком. На двери была ржавая щеколда, и я поспешил её задвинуть. Всё, теперь им меня не достать.

За дверью затопали башмаки.

– Нил, тут его нет! – с досадой произнес Верзила Том. Хотя он и был выше всех, но мозгов ему явно не доставало, вот он и таскался везде за Нилом Берри.

– На лестнице тоже нет! – прокричал издалека Донни Заяц. Он всем твердил, что Зайцем его прозвали за то, что бежит быстрее всех – так оно и было, даже я, лучший бегун в школе, не всегда мог его догнать. А я вот думаю, что это за трусость. Силёнок у него маловато, догонит, поставит подножку и прячется за больших дружков, за Нила и Тома.

– Он где-то zde... – начал Задира Нил и торжествующе расхохотался.

– А-ха-ха! – заливался он, а вместе с ним Том и Донни. – Эй, Пат! Ты меня слышишь? Пат, я знаю, где ты! – и постучал в мою дверь. Негромко так, вежливо, как будто спрашивал разрешения войти. Я вздрогнул и ещё раз взглянул на задвижку. Вроде надёжная. Дверь снаружи не открыть, но я всё равно замер и постарался не дышать. А Нил всё хохотал и хохотал своим дурацким смехом.

– Пат, ты думаешь, ты спрятался? Ой, не могу! Ха-ха-ха! Ты хоть знаешь, где ты спрятался, Пат? – он чуть не рыдал от хохота.

И тут до меня дошло. Спасаясь от этих болванов, я не соображал, куда бегу. Дверь, за которой я скрывался, вела в Старое крыло. Обычно дверь была закрыта, но, видно, от старости замок разболтался и чинить его не стали – кто же по своей воле пойдет в Старое крыло на ночь глядя? Только

такой глупец, как я.

– Открой дверь, Пат! Или хочешь встретить Рыжую Старуху? Она вырвет твоё сердце, Пат! – завывал Задира Нил замогильным голосом. Донни завыл волком, Том гулко заухал.

Если бы Рыжая Старуха решила прямо сейчас вырвать мне сердце, ей пришлось бы поискать, потому что сердце моё ушло в пятки. Истории о том, как Рыжая Старуха охотится за учениками, испокон веку рассказывали в Митчелл-Холле. Ни в одной другой частной школе на всём юге Англии не было таких страшных привидений, как в нашей.

Я огляделся. Влево и вправо уходил темный коридор, лишь в его концах из неплотно заколоченных досками окон пробивался свет. Там, где стоял я, было чуть светлее – свет падал откуда-то сверху, из крошечного грязного окна под высоким потолком. Где-то здесь, в Старом крыле, после заката бродит Рыжая Старуха. Но пусть лучше меня растерзают сто привидений, чем любоваться на противную рожу Нила Берри и терпеть его подзатыльники.

– Никаких привидений не бывает! – закричал я в замочную скважину. – Это всё вранье! Я всё равно к вам не выйду, понял?

– Открой, Пат! Не то хуже будет! Убежишь от Рыжей – попадешься Старикану Плоу! Он отрежет тебе голову и выпьет всю кровь! Ты помнишь, как пропал Майки Браун?

– Майки Браун никуда не пропал, он убежал домой, это

все знают! – в отчаянии выкрикнул я.

Нил злорадно захохотал.

– Это нам лапшу на уши вешают, иначе вся школа разбежится. На самом деле он зашёл в Старое крыло и его сцапал Старикан! Глазастый Энди сам видел!

– Глазастый Энди врёт по сто раз на дню! – парировал я. За дверью стало тихо. Прижавшись ухом к щели, я расслышал шёпот.

– А-ха-ха! Отличная идея! – довольно воскликнул Нил. – Эй, Донни! Будь другом, смотайся-ка в мастерскую, тут рядом. Принеси... – остальное я не разобрал, потому что Нил тоже перешёл на шёпот.

Похоже, уходить они не собирались. Я отвернулся и сел, прислонившись к стене. Колено болело ужасно, завтра весь день буду хромать. Ничего, до вечера ещё далеко, не будут же они сидеть тут вечно. Я опасливо поглядывал по сторонам коридора. Про то, что привидений не бывает, я, конечно, соврал для храбрости.

Послышались лёгкие шаги Донни Зайца.

– Принес? Молодец! – сказал Нил. Он всегда хвалил Донни за всякую ерунду, как собачонку, наверно, боялся, что тот перестанет за ним бегать хвостиком. – Гвозди захватил? Давай сюда...

У меня внутри все похолодело. Гвозди?!

Словно в ответ, раздались тяжёлые удары молотка.

– Эй! – заорал я. – Вы что делаете? С ума сошли?

Всю мою храбрость как ветром сдуло. Я сбросил крючок и навалился на дверь, но она уже не поддавалась. Нил заработал молотком быстрее, вгоняя гвозди в каждый угол двери.

– Не хочешь открывать – ну и сиди здесь, – злорадно засмеялся Нил.

– Меня всё равно найдут! И тогда тебя... вам... вас всех выгонят из школы! – попробовал пригрозить я, но Задира только хмыкнул.

– Раньше отбоя тебя не хватятся, – ответил он. – И не станешь же ты ябедничать? Ты ведь не хочешь, чтобы с тобой перестала разговаривать вся школа? Так что это тебе придется объяснять, как ты оказался в Старом крыле! Чао, неудачник! Хорошего тебе вечера... в компании привидений! – добавил он жутким шёпотом. – Послушай-ка, Пат, вот что я тебе скажу по секрету. Прижми ухо к скважине...

Не подумав, я прислонился ухом к замочной скважине, а придурок Нил в это время со всего размаху долбанул по замку молотком. У меня в голове как бомба разорвалась. Я отлетел от двери, а Нил с друзьями, хохоча, затопали прочь.

Стало тихо, только в ушах всё звенело. Я опять подёргал дверь, попробовал выбить её с размаху, но вряд ли это по силам двенадцатилетнему мальчику, тем более моей комплекции. Бегал я быстро, а вот на турнике болтался, как куль с удобреньями. Оставалось сидеть и думать, как отсюда выбраться.

Звать на помощь бесполезно – этим коридором, рядом

со Старым крылом, никто не ходит, разве что сторож раз в несколько дней. После отбоя выяснится, что я пропал, и меня начнут искать – и, конечно, заглянут и сюда, вот тогда и покричу. Беда в том, что отбой в десять вечера, а стемнеет уже через полчаса, в восемь. В этом несчастном коридоре уже и так почти темно. Сидеть тут два часа во тьме могильной? Бр-р-р.

Я поднялся и, прихрамывая, направился к дальнему концу коридора, надеясь выбраться через окно. Как я и думал, оно было заколочено досками, кое-где торчали гвозди в палец толщиной. Оцарапавшись о гвоздь, я вздохнул и похромал обратно, оставляя на пыльном полу длинные следы и дергая по пути ручки дверей, тоже заколоченных или запертых на давно заржавевшие замки. Окно было забито и здесь, но на второй этаж вела старая лестница с потемневшими ступенями.

– Не дрейфь, – сказал я сам себе. – Привидения появляются только после заката, это все знают. Да-да, только после заката.

Я медленно поднялся по скрипучим ступеням, осторожно заглянул за угол. Такой же длиннющий коридор, разве что чуть посветлее. Я двинулся было дальше, но тут мне показалось, что пятно света от окна в дальнем конце коридора дрогнуло и стало ярче, как будто включили лампу. А через секунду там показался белый силуэт и медленно поплыл в мою сторону.

Я обмер. Это было самое настоящее привидение, и оно вовсе не дожидалось заката. Медленно-медленно я попятился обратно на лестницу, и там уже задал такого стрекача через три ступеньки, аж пятки засверкали. Про больное колено я и думать забыл. Мне хватило ума бежать почти бесшумно, чтобы привидение не услышало. Я подлетел к двери, подёргал за ручку в надежде, что Нил передумал – бесполезно.

– Эй! – громко зашептал я, прижав губы к замочной скважине. – Нил? Нил, ты тут? – но за дверью никого не было. Я оглянулся. Возле лестницы стало заметно светлее – привидение спускалось на первый этаж. Бежать мне было некуда, в другом конце тупик. Разве что...

Я вспомнил, что одна из дверей была не заперта. Она вела в крошечную комнатку – проходя по коридору в первый раз, я заглянул туда, увидел, что здесь тоже не вылезти, и сразу пошел дальше. Теперь это был мой единственный шанс, и я опрометью бросился туда. В этой пустой, заброшенной комнатке осталась кое-какая мебель, даже книжный шкаф с битком набитыми полками. Ещё стоял высокий шкаф для одежды, письменный стол, кровать... Мне показалось, что вокруг всех вещей, и даже вокруг старого портрета на стене, парит чуть светящаяся дымка, но в ту минуту мне было не до такой ерунды. Я повыбирал между «в шкаф» и «под кровать» и выбрал всё-таки шкаф, заскочил внутрь, прикрыл за собой дверцы и замер. Сквозь узкую щёлку мне была видна дверь и кусочек комнаты. Из коридора донёсся

странный звук, поначалу я даже не сообразил, что это было. А когда понял, похолодел. Привидение негромко напевало, и я вспомнил, что про Рыжую Старуху рассказывали, что она всегда поёт, прежде чем с тобой разделаться. Когда-то, рассказывали у нас в школе, она была учительницей музыки, но её прихлопнуло крышкой от рояля. Прежде чем испустить дух, она пообещала, что вернётся с того света и вырвет сердце любому, кто сфальшивит в «Боже, храни королеву». Я путал слова и ноты тысячу раз.

Песня всё приближалась, и я ждал момента, когда распахнётся дверь и на пороге появится Рыжая Старуха. Я так ясно представил себе, как скрипнет дверь, что не сразу сообразил, когда привидение просто прошло сквозь дверь и оказалось в комнате. Я зажмурился и затаил дыхание, и если бы мог, клянусь, остановил бы сердце, лишь бы оно не стучало так громко, и с ужасом ожидал, когда призрак склонится надо мной и с диким хохотом отправит на тот свет.

Однако призрак вовсе не спешил с кровавой расправой, а вместо дикого хохота напевал что-то вполне мирное, хотя и не вполне современное. Я осторожно разжал один глаз и выглянул в щёлку. В комнате стало светлее, рядом с кроватью на столике зажглись свечи. Я отшатнулся, когда привидение проплыло перед самым шкафом, но успел заметить в неярком свете свечей рыжие волосы.

Я всё понял. Это её комната. Здесь она жила при жизни, сюда является и после смерти. Меня угораздило спрятаться

в комнате привидения, и помощи, боже, всякому, кто нарушит покой призрака так нагло, как нарушил его я. Но ведь призраки не переодеваются и открывать этот пыльный шкаф ей незачем, успокаивал я себя, а значит, я пока в безопа...

И тут я чихнул.

Песня оборвалась, на мгновение повисла тишина, затем дверца распахнулась, и я оказался лицом к лицу с привидением. От призрака веяло холодом, по коже забегали мурашки, как от электричества. Рыжая Старуха смотрела на меня широко раскрытыми глазами сквозь тяжелые призрачные очки, через неё просвечивала комната, как сквозь туман. Самым ужасным было то, что она не была похожа на рыжую ведьму с растрёпанными космами – наоборот, вполне себе обычная леди, даже ничуть не старая, и в этой обычности таился самый ужасный ужас.

– Ма-ма-ма... – пролепетал я, не в силах отвести взгляд. Я бы наверняка описался от страха, если бы вспомнил, как это делается. «Боже, храни королеву!» – мелькнуло в голове, и я чуть дыша затаил:

– Колоре... Короле-е-ву храни-и... Дай... дай ей ра-атных... побе-ед...

Привидение вздрогнуло и отпрянуло назад.

– Нет, – тихо сказала Старуха и попятилась прочь от меня – и я с изумлением понял, что она напугана не меньше моего. С искажённым лицом Старуха отпрянула к двери и вылетела из комнаты. – Помогите! – раздался её крик и растаял

в дальнем конце коридора.

Дрожа как мышь, я стоял в шкафу с распахнутыми дверцами. С меня градом лил пот. Надо было спастись. Неловко переступая на ватных ногах, я выбрался из комнатёнки и доковылял до двери, ведущей прочь из этого чёртова Старого крыла. Я был готов зубами грызть эту дверь. Мне было так страшно, что я всхлипывал и дёргал и дёргал ручку, не соображая, что дверь забита гвоздями. Я даже не заметил, как осветились стены вокруг.

– Что вы здесь делаете, молодой человек? – раздался строгий голос за спиной. – Здесь запрещено находиться ученикам!

Я повалился на колени и уткнулся лбом в холодную медь замка. Господи, какое счастье, живой человек! И пусть меня хоть на месяц оставят без сладкого, перебыюсь. Блаженно улыбаясь сквозь слезы, я обернулся – и застыл столбом, так и стоя на коленях. Передо мной висело в воздухе ещё одно привидение – старый джентльмен с бородкой, в пенсне и галстук бабочкой. Старикан Плоу, и теперь-то мне точно не жить.

– Что вы здесь делаете? – раздражённо повторил призрак. – И встаньте, когда с вами разговаривают! Как ваше имя?

Его суровый тон, совсем как у мистера Фербенкса, нашего директора, вывел меня из оцепенения. Плохо соображая, я поднялся с пола.

– Э-э... Пат, сэр. Патрик. Патрик Холлоуэй. Сэр. Я... Я

случайно зашёл в Старое крыло... сэр.

– Как вам не стыдно пугать учительницу? – ещё строже спросил Старикан. – А если бы у неё не выдержало сердце?

– Она же п-привидение, – пробормотал я.

– Если дама умерла, это ещё не даёт права ей грубить, – отрезал Старикан. – Мисс Прайм! – позвал он в темноту, заполнившую коридор. – Идите сюда, это обычный мальчик.

Вдали показалось призрачное сияние. Рыжая Старуха приближалась к нам.

– По... пожалуйста, – взмолился я, – не вырывайте мне сердце! И не отрезайте голову! Кровь можете выпить, только не всю!

Призрак поморщился и поправил бабочку.

– Гм, – сказал он. – На первый раз простим. А теперь марш отсюда, и не вздумай никому рассказывать.

Старуха кашлянула, и он поспешно добавил:

– Иначе открутим сердце и выпьем голову.

Я осторожно взялся за ручку, не веря в свою удачу. Встретить Рыжую Старуху, Старикана Плоу и уйти живым – редкое везенье. В коридоре маячили, колыхаясь в воздухе, ещё два призрака – хмурый мускулистый дядька и полная бабуса с длинными шпильками в волосах. Господи, да у нас тут привидений больше, чем учеников. Старикан и Рыжая Старуха плыли за мной, их призрачный свет освещал нам дорогу. Я приблизился к заветной двери и в нерешительности замер. Черт, я совсем забыл про гвозди. А всё эти болваны, Нил со

своей компанией.

– Замок... захлопнулся, – соврал я и покраснел.

Старикан подлетел к двери, погрузился в неё наполовину, покрутил головой.

– Хм, – заметил он. – Какой интересный замок. Захлопывается гвоздями. Сам, надо полагать. Так, молодой человек? Я покраснел ещё гуще.

– Ну что ж... Мне *очень* не хочется этого делать, но другого выхода у нас нет, – угрюмо сказал Плоу. – Мистер Дред, будьте любезны! А я, пожалуй, пойду.

Старикан поплыл по коридору, Рыжая Старуха полетела к своей комнате. А ко мне уже направлялся тот самый мрачный призрак с габаритами культуриста и лицом маньяка-убийцы. Встретив такого в переулке, я бы убежал, но тут мне бежать было некуда. Вот, значит, кто делает за Старуху всю грязную работу. Какой-то Дред, про которого никто в школе и не знает. Жаль, что эту тайну я унесу с собой в могилу.

Я попятился, прижался спиной к двери. Призрак остановился передо мной, хмуро взглянул в глаза. Я зажмурился.

– Ну-ка, малый, посторонись, – буркнул он.

Я тихонько сдвинулся вбок, по стеночке. Дред отступил, а вернее, отплыл на шаг, пригнул голову и плечом влетел в дверь. Но вместо того, чтобы просочиться сквозь доски, как всякое нормальное приведение, Дред вынес её целиком. Дверь с грохотом отлетела. Удар был такой силы, что на вби-

тых Задирой Нилом гвоздях остались выдранные кусочки дерева.

– С-спасибо, – тихонько прошептал я и пулей вылетел в коридор. Я бежал, не оглядываясь, сначала по лестнице, потом по коридору, потом мимо огорошенных моим появлением Нила и Донни, потом в нашу спальню, и вот там я споткнулся и второй раз грохнулся на больное колено. Было так больно, что я, по-моему, потерял сознание.

ГЛАВА 2

Обдумав все на свежую голову, я пришел к трём выводам. Во-первых, привидения у нас в школе действительно есть. Во-вторых, они вполне адекватные и не мечтают отправить тебя на тот свет. В-третьих, если я кому-нибудь расскажу, что напугал Рыжую Старуху, а Старикан Плоу просто выставил меня за дверь, меня на смех поднимут – а значит, надо помалкивать.

Прихрамывая, я поднялся в библиотеку. Вчера наш школьный медик, доктор Сандей, натёр мое несчастное колено какой-то страшно вонючей мазью, и оно почти не болело. Сегодня я еле дождался конца занятий, мне не терпелось разузнать, кого я повстречал в Старом крыле. В библиотеке хранились старые и никому не нужные ежегодные альбомы с фотографиями выпускников и учителей. Я хорошо запомнил Рыжую Старуху, Старикана и Дреда и был уверен, что легко найду их на старых фотокарточках.

Фотоальбомы стояли на самом верху. Я подставил лесен-

ку, отложил в сторону альбомы за последние четыре года – этих я и сам видел – и снял с полки за семьдесят шестой и семьдесят пятый. Альбомы были тяжеленные, в кожаных переплетах, их приходилось таскать по одному. К Шестьдесят седьмому году у меня разболелось колено, к шестьдесят второму я понял, что скорее умру, чем поднимусь ещё хоть на одну ступеньку.

Я в задумчивости сидел за столом и листал шестьдесят первый, когда в дверях показался Верзила Том.

– А, вот ты где, – прищурился он. – Нил велел узнать, кто тебя выпустил.

– Садовник шёл под окнами и услышал, – соврал я.

– Ты не наябедничал? – с подозрением спросил Том. – Сам знаешь, как у нас...

– Ещё чего, – презрительно бросил я и уткнулся в свой альбом.

Дверь скрипнула, и в библиотеку вошёл мистер Коннери, учитель литературы. Коннери был человеком почти молодым и немного вздорным. Одни его любили, другие побаивались.

– Здравствуйте, мистер Коннери, – поздоровались мы хором. Я кое-как приподнялся со стула, скривившись от боли в ноге.

– А, ребята, занимаетесь? – энергично произнес учитель, потирая руки. – Сиди, Холлоуэй, мне сказали, тебе сильно не повезло с коленкой? Ушиб? Вывих?

Такой возможности отомстить этому поганцу я упустить не мог.

– Ушиб, сэр, и нога очень болит, – ответил я. – Но друзья мне помогают. Вер... то есть Том, будь так добр, – вернулся я к Верзиле с кроткой улыбкой ангела. – Поставь, пожалуйста, этот альбом во-он на ту полку. И принеси ещё парочку, за предыдущие годы.

Том скрипнул зубами и наградил меня яростным взглядом, но послать меня подальше при учителе побоялся. Он подхватил альбом и затопал к стеллажам. Оттуда он приволок сразу пять. Верзила – он и есть верзила, я и один еле поднимал.

– Поговорю с тобой ещё, – хмуро шепнул Том, с грохотом шлёпнув альбомы на стол. – До свидания, мистер Коннери, – сказал он и исчез за дверью.

Учитель с интересом взглянул на разложенные вокруг меня толстенные альбомы.

– Интересуешься историей школы, Холлоуэй? Весьма похвально.

– Да, сэр, – кивнул я. – Я подумал, что надо бы почитать про наших славных, э-э-э, педагогов и...

– Патрик, – прервал меня Коннери с усмешкой. – Я ведь тебя не первый год знаю. Ты перечитал книжек больше, чем половина наших учеников, вместе взятых. И чёрта с два ты разглядывал бы эти фотокладбища в свободное время, когда на соседней полке стоит Брэдбери.

Вообще-то ему не положено чертыхаться, но мистер Коннери всегда говорил, что ругательства – как соль и перец, и немножко в нужный момент только пойдет на пользу. Директор смотрел на это сквозь пальцы, потому что учителем Коннери был и правда замечательным. А я смутился, потому что сам понял, что сморозил глупость.

– Ну... – я замялся. – Я ищу одну учительницу музыки, только не знаю, в каком году она работала.

– Кого же? – поинтересовался Коннери.

Я закрыл глаза и выпалил:

– Рыжую Старуху.

– Кого? – Учитель расхохотался. – Наше школьное при-
видение?

Я сидел красный как рак, а Коннери всё смеялся и смеялся. Наконец он достал платок и вытер слёзы.

– Холлоуэй, этой страшилкой здесь пугали малышей, ещё когда я сидел за партой. А про крышку рояля, которая на неё упала, сочинил мой товарищ Говард Блум, большой выдумщик. И знаешь, что интересно? Когда мне было двенадцать лет, как тебе, я точно так же отправился в библиотеку и стал искать в альбомах рыжую учительницу.

– И нашли? – подпрыгнул я.

Он шагнул к полкам и взял старый альбом, из сороковых. Одной рукой взял, как будто тот ничего не весил.

– Смотри. Если кто-то из них и рыжий... – Он раскрыл альбом передо мной, и я увидел, что все фотографии в нём

черно-белые. Коннери вздохнул и вернул том на место.

– Я знаю её имя, – признался я и испугался. – Мне... папа рассказывал. Он тоже здесь учился. Её звали мисс Прайм.

Брови учителя взметнулись выше очков в роговой оправе.

– Ну-ка, – пробормотал он и торопливо принес ещё несколько альбомов. – Эти ты уже посмотрел? Дай уберу. – Он уселся напротив, и мы начали лихорадочно листать картонные страницы, будто спрятали бумажный фунт и забыли, где.

Дело пошло на лад. Мистер Коннери приносил альбом за альбомом, пока наконец не ткнул пальцем в старую фотографию.

– Вот. – Он повернул альбом ко мне, и я впился в карточку взглядом. – Тысяча девятьсот тридцать восьмой год.

С пожелтевшей фотографии на меня смотрела та самая почтенная дама, которую я вчера вечером умолял не вырывать мне сердце. «Мисс Лорна Прайм, учитель английского языка и литературы», – прочел я. Литературы, а никакой не музыки. Наверно, поэтому у неё в комнате было столько книг. Мне захотелось взять краски и раскрасить её волосы в рыжий.

– Странно, такое чувство, что я её где-то видел... – наморщив лоб, пробормотал мистер Коннери.

– Давайте и Старикана Плоу найдём? – предложил я.

– Что? – он оторвался от альбома. – А, Плоу... Плоу и искать нечего.

Учитель встал и подошёл к стеллажу. Его длинные пальцы заскользили по пыльным корешкам, задержались у девятьсот двадцатого, потом перескочили к девятнадцатому. Коннери вернулся к столу.

– Старикана Плоу я нашёл уже давно, – сказал он, раскрывая альбом. – Вот он, смотри. Роберт Плоу, преподаватель естествознания.

– Не-ет, – я помотал головой, потому что неприятный лысый старикашка на фотографии, опиравшийся на тяжёлую трость, не имел ничего общего с почтенным господином, который отчитывал меня вчера вечером. – Это не Плоу. Тот такой... с бородкой, в пенсне.

Тут я понял, что прокололся. Я поднял глаза на Коннери, тот уставился на меня с недоумением. Надо было срочно выпутываться, то есть врать на ходу.

– Ну... это вообще-то секрет, сэр... Мой папа однажды видел призрак Старикана Плоу, когда учился здесь. И рассказывал, что у него пенсне, бородка и галстук бабочкой.

– Встретил призрака? – хмыкнул учитель. – Ну, знаешь, Холлоуэй... Призраки живут исключительно в историях, и это их лучшее качество. Может, твой старик наткнулся в темноте на одно из этих страшилищ? – он указал на развешанные по стенам библиотеки портреты в толстых рамах, потемневшие от старости. Я машинально взглянул туда же и остолбенел. С висящего в центре полотна на меня строго глядел мой вчерашний призрак. Сэр Джонатан Митчелл, ос-

нователь и первый директор школы Митчелл-Холл. Каждый день я ходил мимо и не удосужился рассмотреть как следует, даже в памяти ничего не мелькнуло. Вот я болван. Почему-то решил вчера, что передо мной Старикан Плоу, а ведь никто не называл его по имени.

– Э-э-э... Да, сэр, наверно, так и было, – пробормотал я, не в силах отвести взгляд от портрета.

– Не волнуйся, парень, сэр Джонатан привидением никогда не был, – рассмеялся мистер Коннери, по-своему истолковав мое замешательство. – Но вот одну историю о нём рассказывали...

– Какую? – тут же заинтересовался я.

– Видишь ли, наш первый директор был другом твоего любимого Диккенса. Как-то раз в школу с извинениями доставили письмо от Диккенса сэру Джонатану. Оно затерялось на почте и опоздало на целых десять лет. Тогдашний директор рассудил, что поскольку и Митчелл, и Диккенс к тому времени отправились в мир иной, письмо можно считать историческим документом. А значит, не будет большого греха, если письмо войдёт в наш архив.

– Ничего себе, – охнул я.

– И вот что интересно, – продолжил Коннери. – Диккенс в этом письме спрашивает у сэра Джонатана, бережёт ли он сокровище, которое ему доверили. Конечно, никаких сокровищ тут нет, – улыбнулся учитель, – но ясно, что Диккенс передал Митчеллу что-то ценное, и оно хранилось в школе,

– директор жил здесь же. А если ты вспомнишь мои уроки, ты припомнишь и слухи о рукописи, которую Диккенс куда-то спрятал незадолго до смерти. Её пытались найти у нас в школе, но... – он развёл руками. – К сожалению, у сэра Джонатана мы о ней спросить не можем.

Я был другого мнения, но промолчал.

– Вот бы это письмо прочитать, – сказал я вместо этого.

– Почему бы и нет, – пожал плечами учитель. – Письмо, к сожалению, не сохранилось, но с него вовремя сняли копию. Раз уж ты единственный ученик за последний десяток лет, кто осилил всего Диккенса, так и быть, покажу, – произнёс он, направляясь к вечно запертой двери возле стеллажей. За дверцей пряталась крохотная каморка со старыми книгами и школьным архивом.

Он отпер замок и шагнул в пыльный полумрак. Через оставленную открытой дверь я видел, как он роется в коробках. Наконец он удовлетворённо хмыкнул и достал из самого нижнего ящика худосочный конверт.

– Вот, полюбуйся, – сказал он, вручая конверт мне. Я открыл его с благоговением и лишь потом запоздало вспомнил, что это не подлинник, а копия. Но пожелтевшие фотокопии письма, снятые ещё давным-давно, хранили почерк нежно любимого мной писателя.

– Поторопись, будь любезен, – напомнил мистер Коннери спустя несколько минут, взглянув на тяжелые настенные часы. Я поспешно перечитал письмо ещё раз и вложил фото-

карточки в конверт. Вообще-то Диккенс меня разочаровал. Новости про какую-то миссис Моррис, полстраницы нудных заметок о том, какая дороговизна нынче в Лондоне, и лишь один коротенький вопрос про сокровище, никакого даже намека. «Сокровище» было с большой буквы.

Коннери вернул документ на место и захлопнул дверь архива.

– Вижу по лицу, что ты не в восторге, – заметил он и бросил ещё один торопливый взгляд на циферблат. – Полностью разделяю твои чувства. Выздоравливай! – произнёс он, уже торопливо выходя из библиотеки.

– До свидания, сэр! – крикнул я вслед.

Мне тоже было пора идти, если не хочу остаться без ужина. Припадая на разболевшееся колено, я запихал на место последний альбом и уже собрался уходить, как заметил, что дверь архива прикрыта не до конца. Может, старый замок не защёлкнулся, а может, что-то попало под защёлку. Я машинально подошёл, чтобы захлопнуть дверь, но в последний момент мне пришла в голову идея. Это была самая дурацкая из моих дурацких идей, просто царственной дурости идея. Через несколько секунд я уже стоял у закрытой по всем правилам двери архива, даже за ручку подёргал, чтобы проверить, а за пазухой у меня топорщился конверт с письмом Диккенса. Ох, и страшно было, мурашки, наверно, сквозь рубашку видны были. Поймают – вытурят из школы в два счёта. А я ведь, если разобраться, ничего плохого не делаю,

только помогаю письму дойти до адресата. Я выскользнул из библиотеки и, стараясь ни с кем не встретиться, похромал в свою комнату.

Прошло три дня, прежде чем я смог улучшить часок и обратиться к Старому крылу, когда никого не было рядом. Это только кажется, что в такой школе, как наша, когда и живёшь, и учишься в одном здании, всё рядом, гуляй – не хочу. На самом деле у тебя круглые сутки уроки, задания, спорт всякий, будь он неладен, разве что вечером час-полтора найдётся. Да и то считается, что в это время ты должен зубрить геометрию или ботанику, ну, в крайнем случае, «постигать святыи узы товарищества», усевшись вместе со всеми перед телевизором. Я предпочитал постигать узы товарищества, улизнув в библиотеку.

Дверь, выбитая привидением по имени Дред, стояла на своем месте, гвозди были аккуратно выдернуты, лишь на косяке виднелись следы от удара. Понятия не имею, кто её починил, но ученикам об этом ничего не рассказали. Я осторожно покрутил ручку. Дверь была заперта. Приложив ухо к щёлке, я прислушался. За дверью царила тишина. Я осторожно постучал, потом ещё раз, погромче.

Морщась от боли в коленке, я сел перед дверью и просунул конверт под неё, придерживая за уголок. На конверте моей рукой было аккуратно выведено «Сэру Джонатану Митчеллу». Я постучал снова. Прошло минут пятнадцать, прежде чем я ощутил исходящий из-за двери холод и элек-

трическое покаяние. А затем конверт резко выдернули из моей руки, и он исчез под дверь. Я в испуге отпрянул и стал ждать.

Вскоре дверь засветилась голубоватым сиянием, и сквозь старое дерево показался призрак. Сняв пенсне, он потёр двумя пальцами переносицу, и мне показалось, что он только что плакал. Я торопливо поднялся и отряхнул колени.

– Благодарю, – сдавленно произнес он. Голос старика чуть подрагивал. – Это... это... Мы были хорошими друзьями, и это последнее письмо... Кто мог знать, что оно опоздает на столько лет. – Старик достал платок и высморкался. Никогда бы не подумал, что у привидений есть платки. Про опоздание я тоже написал на конверте.

– Хол... Холидей, если не ошибаюсь?

– Холлоуэй, сэр.

Внутри у меня всё дрожало, как струна. Я набрался смелости и выпалил:

– Не могли бы вы рассказать мне про Диккенса?

Сэр Джонатан на мгновение замер, удивлённый моей просьбой. Затем, произнеся себе под нос «гм», согласно склонил голову.

– Прошу за мной, – и исчез за полотном двери. Глухо щелкнул замок. Я решительно повернул ручку.

Я шёл по пыльному коридору следом за привидением. Мы миновали комнату мисс Прайм и остановились возле лестницы на второй этаж. Мистер Митчелл указал мне на изъеден-

ную древоточщами банкетку, я послушно сел и обратился в слух. Не буду повторять рассказ директора – он погрузился в воспоминания и рассказывал случай за случаем, а я сидел и думал, что любой биограф Диккенса отдал бы полжизни, чтобы оказаться на моём месте. Самое дурацкое, что я-то об этом даже рассказать никому не смогу, кто мне поверит. Но я сидел и слушал, раскрыв рот.

Спустя полчаса старик спохватился.

– Думаю, Холлоуэй, ты узнал достаточно.

– Большое спасибо, сэр, – поблагодарил я, вставая. – Если можно, самый последний вопрос. В письме Диккенс написал, что доверил вам сокровище. Это... это была его рукопись?

Затаив дыхание, я ждал ответа. К моему удивлению, прищипав губы, старик сдержанно рассмеялся.

– Рукопись? Нет, рукопись бы сэр Чарльз никому не отдал. Сокровище – так звали кота, которого он мне подарил. Огромный чёрный кот, любил лежать на подоконнике в моём кабинете. К сожалению, в него ударила молния.

– Как? – я был раздосадован такой простой разгадкой и вместе с тем потрясён судьбой кота.

– Это был странный кот. Он совершенно не боялся ни грозы, ни дождя, и однажды зачем-то залез на дерево в ненастную погоду. Ну что ж, теперь тебе, пожалуй, пора идти. – В голос старика вернулась твёрдость.

– Большое спасибо, сэр, – повторил я, направляясь к двери. – А можно... можно мне ещё когда-нибудь прийти?

– Не думаю, что это уместно без веской причины, – отрезал призрак.

Он проводил меня до выхода и запер дверь. Я стоял в сумрачном коридоре и смотрел на неярко поблескивающую дверную ручку. Мне показалось, что на тёмном дереве есть какое-то пятно, и я попытался оттереть его рукавом. Из детской страшилки Старое крыло превратилось в страну чудес, куда там Зазеркалью или Стране Оз. И теперь я один во всей школе – да что там, в целом мире! – знал, про какое сокровище писал Диккенс. Только что в этом проку, если всё равно некому рассказать.

Тогда я ещё не знал, чем обернётся это знакомство. Но если вы решили, что это ещё одна слюнявая история о том, как мальчик подружился с призраками и всё такое, то вы ничего не знаете о привидениях.

ГЛАВА 3

Несколько дней я изобретал предлог, чтобы появиться в Старом крыле и поговорить с нашими привидениями. Странно было бы просто зайти поболтать, когда прямо сказали, что никто тебя не ждёт. Я думал до уроков, на уроках и после уроков и даже забросил писать рассказ о джунглях, который собирался послать в местную студенческую газету, соврав, что мне девятнадцать лет и я эмигрант из Лаоса.

– Холлоуэй! – окликнул меня однажды мистер Коннери, когда я в задумчивости последним выходил из класса литературы. – Помнишь, я сказал, что где-то видел Рыжую Ста-

руху? Пойдём, кое-что покажу.

Он запер класс, и мы поднялись на третий этаж. По дороге он рассказывал:

– В детстве я жил в Фолкерке. Неподалёку была станция Каслкери – единственное, чем она прославилась, это железнодорожная катастрофа тридцать седьмого года. Так себе достижение, честно говоря. Уже потом я узнал, что в ней погиб учитель рисования из Митчелл-Холла, художник Эмброуз Райс. Внизу в Галерее висит пара его работ, а некоторые до сих пор пылятся в чулане. И если мне не изменяет память...

Коннери остановился у низкой серой двери под самой крышей, на чердаке. Выудив из кармана ключ, несколько раз повернул в замке, но тот не поддавался. Тогда учитель невнятно выругался и стукнул по замку кулаком. Раздался тихий щелчок.

Мы вошли в кладовку, Коннери включил свет и начал пробираться между составленными друг на друга столами и лампами, затянутыми паутиной. На стеллаже у дальней стены стояло несколько старых холстов на подрамниках. Коннери вытащил из-за них истрепанную толстую папку, такую старую, что, наверное, на дне в ней хранились десять заповедей Моисея.

В папке лежали выцветшие, пожелтевшие акварели. Пейзажи, несколько натюрмортов, вид на Митчелл-Холл с соседнего холма. Симпатичные, но ничего особенного. Наконец

мистер Коннери достал оттуда портрет, и я с первого взгляда узнал в нём мисс Лорну Прайм, Рыжую Старуху.

Она сидела на ажурной скамье в весеннем саду. Огненно-рыжие волосы казались ещё ярче на фоне василькового платья. В руках у мисс Прайм была потрепанная книжка с узнаваемым профилем Шекспира на обложке. Странно, что именно эта акварель сохранилась лучше остальных, и только приглядевшись, я заметил, что поверхность рисунка чуть поблёскивает – видимо, художник специально покрыл его защитным слоем.

– Ты обратил внимание, как она одета? – произнёс мистер Коннери. – Тогда учителя так не одевались. И на картине она явно моложе, чем была в тридцать шестом, – он указал пальцем на год и инициалы «Э.Р.» в нижнем углу. – Мне кажется, Райс или рисовал её по памяти – а значит, они были знакомы раньше, – или дал волю воображению. Кто знает, возможно, он был в неё влюблен...

Некоторое время мы молча разглядывали портрет. Затем Коннери отложил его в сторону, а папку аккуратно завязал на тесёмочки и вернул на место.

– Повешу у себя в классе. Всё-таки она преподавала литературу...

Когда мы вошли в класс, мои извилины уже работали с бешеной скоростью. Это был шанс, и надо было срочно что-то придумать. В поисках вдохновения я огляделся по сторонам. С левой стены на меня с укором смотрел Шекспир, и

я перевёл взгляд на правую. Там висел циник Байрон, словно подначивая: «Давай, парень, не пасуй!» С Байроном дело пошло быстрее.

– Мистер Коннери, можно мне забрать этот портрет?

Коннери уставился на меня с удивлением.

– Я подумал, что где-то должны быть родственники мисс Прайм. Дети или внуки. И будет правильно, если мы отдадим портрет им.

– Патрик, ты знаешь, что означает «мисс»? – приподнял бровь учитель. – Лорна Прайм не была замужем, у неё не было детей, а значит, и внуков. Брось валять дурака.

Я покраснел, но сдаваться не собирался.

– Сэр, просто... просто он мне очень понравился. И потом, у неё ведь могли быть братья или сестры, а у них...

– Всё, хватит бредить, – рассмеялся Коннери. – Холлоуэй, строго говоря, эта акварель принадлежит школе.

– Строго говоря, сэр, она принадлежит наследникам художника, – парировал я. – Тем более, она всё равно валялась в чулане, а значит, никому не нужна.

– Хм, – он почесал переносицу. – Ну что ж, раз уж тебе так понравилось... я отдам тебе портрет, если ты напишешь эссе на тему «Ода моей наглости, или Почему мистер Коннери должен отдать мне портрет». Давай, оправдывай своё «отлично» по литературе. У тебя тридцать минут, пока я проверяю тетради.

Я понуро поплёлся на свое место, наградив Байрона оби-

женным взглядом и чувствуя, как он смотрит мне в спину с нескрываемым сарказмом. Поднимать глаза на Шекспира я постыдился. Полчаса спустя я сдал листок мистеру Коннери.

– Эдгар По отдыхает, – заметил тот, прочитав моё творение, и без лишних слов вручил мне акварель.

А я просто написал всё, как было. Ну, почти всё.

Вечером того же дня я крадучись пробирався к заветной двери. Портрет в моем портфеле был аккуратно завернут в позавчерашние газеты и оклеен липкой лентой. Я уже собирался подпихнуть его под дверь, как вдруг сообразил, что второпях не подумал о записке. Устроившись на подоконнике, я достал тетрадку и выдрал листок.

«Многоуважаемая мисс Прайм», – написал я и задумался. Чёрт его знает, как у призраков принято. Я почесал затылок и продолжил: «Этот портрет я нашёл на чердаке. Если он вам нравится, оставьте его себе и не могли бы вы ответить на несколько вопросов».

Вот и всё, теперь можно опускать в «почтовый ящик». Просунув картину с запиской в щель, я постучал, как раньше, уселся у стены напротив и стал ждать.

Сон подкрался незаметно. Мне приснилось, что я стою на пороге школы. Дверь открыта, и школьное крыльцо, площадка перед ним и уходящая вдаль тисовая аллея покрыты слоем снега, хотя кое-где из-под него пробивается зеленая трава. Школа пуста, в ней нет никого, кроме меня, все окна почему-то распахнуты настежь. В снежной тишине не

слышно ни звука, лишь где-то каркает ворон, и его крик гаснет в пушистом снегу. Я поёживаюсь от холода, опускаю глаза и вижу цепочку следов, она тянется от самой двери. Я иду по ней сквозь аллею, к парку с облетевшей листвой. Холодный ветер дует всё сильнее и сильнее, я обхватываю себя руками и притопываю ботинками, но мне слишком холодно...

...Я вздрогнул и проснулся, и тут же вздрогнул снова. Мисс Лорна Прайм, она же Рыжая Старуха, возвышалась надо мной, сложив руки за спиной. Коридорчик заполнился голубоватым сиянием. Я поспешил подняться.

– Не следует начинать письмо со слова «многоуважаемая», – негромко произнесла мисс Прайм, едва заметным кивком ответив на моё робкое «здравствуйте». – «Уважаемая» вполне достаточно. И тебе стоит повторить правило о запятых в сложносочинённом предложении.

Она замолкла, но продолжала смотреть на меня, и кисти её шали чуть покачивались вверх-вниз. «Если портрет ей не понравился, – подумал я, – чего она тогда вообще со мной заговорила?» Привидение все молчало и молчало, и тут до меня дошло, что она просто волнуется, волнуется до чёртиков. Прямо как я.

– Спасибо за совет, мисс Прайм, – выдавил я.

– Какой вопрос ты хотел задать? – холодно поинтересовалась она.

– Я хотел спросить про Эмброуза Райса. Ну, художника,

который...

Мисс Прайм кивнула.

– Мистер Райс был талантливым живописцем и преподавал в нашей школе. К сожалению... – мне показалось, что её голос чуть дрогнул, – он трагически погиб. Это всё, что я могу о нём рассказать.

«О чем бы ещё спросить?» – лихорадочно думал я – и ляпнул первое, что пришло в голову:

– Если можно, я хотел узнать про ещё одного человека. Мистера Роберта Плоу. Правда ли, что он до сих пор живёт в нашей школе? – сказал я и тут же обругал себя, потому что вдруг сейчас ответит «правда», и придётся мне возвращаться несолоно хлебавши.

Внезапно мисс Прайм помрачнела.

– Мистер Плоу действительно долго... оставался в школе. Однако теперь его нет с нами.

– Он уехал? – уточнил я. – Ну, в смысле... улетел? Ну, ушёл?

– «Ну» – слово-паразит, от него стоит избавиться, – машинально поправила учительница, но мысли её были заняты чем-то другим. Она несколько секунд колебалась, затем кивнула сама себе.

– Мистер Митчелл расскажет об этом лучше меня, – произнесла она и направилась к двери, сделав мне приглашающий жест рукой. Я заметил, что в её ладони зажат скомканный платок.

Мисс Прайм прошла сквозь дверь, я повернул ручку. Замок был не заперт. Я ожидал разговора на банкетке у лестницы, но призрак двинулся на второй этаж. Я вспомнил, как впервые увидел её на этом самом месте, и по моей спине пробежала стайка мурашек. Знал бы, что с привидениями можно вот так нормально общаться, подошёл бы сразу и представился.

В коридоре второго этажа мы прошли мимо призрака-мордоворота, того самого, что вышиб дверь. Кажется, его звали Дред. Скрестив руки на груди, он с мрачным видом наблюдал сквозь щели в заколоченном досками окне, как тренируется наша школьная команда по регби.

– Добрый вечер, сэр, – тихо произнес я. Призрак оторвался от своего зрелища и проводил нас озадаченным взглядом.

Наконец мисс Прайм вплыла в просторную гостиную. В кресле у камина, – в нём полыхал голубой призрачный огонь, – читал прозрачную газету мистер Джонатан Митчелл. У окна вязала бабушка-привидение. Мерцающий в полумраке шарф – если это был шарф – свисал со спиц и через несколько дюймов таял в воздухе.

Переступив порог, я поздоровался. Если в мире есть конкурс «удиви привидение», я бы занял на нём первое место. Бабуся уставилась на меня с восторгом, как на рождественскую прибавку к жалованью. Сэр Джонатан, явно требуя объяснений, сверлил взглядом мою провожатую.

– Я понимаю ваше негодование, мистер Митчелл, но маль-

чик интересовался судьбой нашего ушедшего друга. Мистера Плоу, – сказала мисс Прайм. – И вообще... интересовался.

Директор перевел взгляд на меня, и мне показалось, что негодование в нём сменилось подозрением.

– Что тебе известно о мистере Плоу, Патрик? – строго спросил призрак.

– Э-э... ничего, сэр. – Я вновь оробел и замялся, подыскивая нужные слова. – Я узнал, что его больше здесь нет, и спросил, куда он... – я показал руками что-то неопределенное.

Мисс Прайм нервно поправила волосы. Бабуся на миг загнулась, но её спицы вновь застучали с прежней скоростью. Митчелл отвел глаза и задумчиво побарабанил пальцами по потрескавшемуся от времени подлокотнику.

– Привидения не живут вечно, друг мой, – хмуро произнес он. – Роберта Плоу больше нет. По крайней мере, на этом свете.

Вот это новость. Оказывается, привидения тоже умирают. Я постеснялся спрашивать, как это происходит и кого хоронят родные и близкие – тела-то уже давно нет – но директор продолжил сам:

– Мы исчезаем, когда настанет время.

– А... когда оно настанет?

– Тогда, когда к нам приходит Жнец.

– Кто? – переспросил я.

Сэр Джонатан повернулся к учительнице.

– Мисс Прайм, не могли бы вы...?

Та чуть поёжилась, закутываясь в шаль, и негромко начала нараспев:

– За... – она закашлялась и начала заново:

Забудь про счастливый миф,

Что смерть – ещё не конец.

За теми, кто умер, но жив,

Однажды приходит Жнец.

Одних уносит в края,

Где ветер, вереск и мёд.

Где белые камни стоят

В лугах у прозрачных вод.

Другим миллиарды лет

Блуждать среди скорбных скал.

Куда заберёт тебя Жнец,

Узнаешь только ты сам.

Мисс Прайм замолчала, и я тоже молчал, ведь не каждый день попадаешь на вечер поэзии в компании призраков. Так себе стихи, если честно. Я бы лучше написал.

– Это стихотворение знают все привидения, – произнёс сэр Джонатан. – Но никто из нас не представляет, кто такой Жнец. Или что такое. Мы знаем лишь, что однажды он придёт за каждым из нас, и тогда лишь немногие окажутся в зелёных лугах. Ещё мы чувствуем, что Жнец где-то рядом. Недавно он забрал мистера Плоу. Вспомни, как ты напугал

мисс Прайм при вашей первой встрече. Она решила, что ты и есть Жнец.

В комнате повисла тишина. Призраки напряжённо молчали, я пытался осмыслить, как это может быть, чтобы привидения – существа, строго говоря, сказочные, – сами верили в свои страшные сказки. Хотя, с другой стороны, пропадают же они куда-то. Я здорово напугался этого Жнеца, если честно. Если ему угробить призрака – раз плюнуть, обычного человека, наверно, в порошок сотрёт и не заметит.

– Ох, сэр Джонатан, – вдруг подала голос бабушка. – Со всем застращали мальчонку, вам бы всё ужасы всякие рассказывать.

Она не спеша выбралась из глубокого кресла, её спицы и клубки растаяли в воздухе, словно и не было.

– Тебя как зовут? – ласково спросила она. Я назвался.

– А я миссис Вернер. Но все называют меня Бабушка Вер. Пойдём-ка со мной, – махнула она мне и поплыла к двери. – Угощу тебя лучшим какао от Инвернесса до Уэльса.

Я оглянулся на мистера Митчелла и мисс Прайм, но их в гостиной уже не было. «Удобно быть привидением, – подумал я. – Захотел – ушёл, не прощаясь, только тебя и видели».

Мы прошли в комнату чуть дальше по коридору. Бабушка Вер открыла передо мной дверь и кивнула на кровать.

– Располагайся, милый, – а сама направилась в угол, где на длинном столе стояла разная кухонная утварь. Не то чтобы современная – какие-то спиртовки да ковшики с длинными

ручками.

Я с любопытством огляделся. Кровать с толстым пледом, и шкаф, и те же коврики на столе светились едва заметным серебряным светом, и я не сразу понял, что всё это такое же привиденческое, как и сама хозяйка. Я вспомнил, что и у Рыжей Старухи, то есть мисс Прайм, в комнате всё светилося так же. Пока бабушка Вер возилась в своём кухонном уголке, я протянул руку и потрогал пышные кисти пледа. От них веяло холодом, как от самих призраков, и чуть покалывало ладонь.

На стенах висели фотографии в старых рамках. Почти на всех были сама миссис Вернер – ненамного моложе, чем сейчас – и мальчик. На одних карточках ему было лет пять, на других – уже десять. Они то катались на карусельных лошадках, то играли в мяч, то чинно уплетали торт со свечками. Я поднялся, чтобы рассмотреть фотографии получше. Как и остальные предметы, фотографии были окутаны призрачной дымкой.

– Мой внучек, Берни, – подала голос бабушка Вер. Ласково так сказала, как будто лучше этого внука нет ничего на свете. Я и не заметил, как она оказалась у меня за спиной.

– Угощайся, только сначала сядь как следует, не ешь на ногах, – и она протянула мне здоровенную кружку, над которой поднимался голубоватый призрачный парок.

Я сел на место и в нерешительности замер. Оно, конечно, интересно попробовать, чем питаются привидения, вот

только можно ли? Вдруг сам призраком стану.

Бабушка Вер рассмеялась.

– Пей, пей, ничего с тобой не случится.

Я послушно взял увесистую кружку обеими руками. Странно, я думал, она и весить ничего не должна. Чуть-чуть отхлебнув, я прислушался к своим ощущениям. Язык покалывало, привиденческое какао было холодным, как мороженое – но раз в двести вкуснее.

Болтая ногами, я потягивал лучшее какао откуда-то там до Уэльса, а миссис Вернер, подперев голову ладонью, рассказывала мне про своего внука и про то, как они здорово веселились. Надо сказать, любила она его что надо. И на рыбалку она с ним ходила, и в индейцев играла... Я уже почти завидовал этому Берни Вернеру. Моя-то бабушка умерла, когда я был совсем маленьким.

– А где сейчас ваш внук? И сколько ему лет? – спросил я, когда бабуля замолчала, погрузившись в воспоминания.

– А? – вздрогнула она. – А, Берни... Ему сейчас должно быть тридцать четыре, а живёт он, надо полагать, где и родители жили – в Мэйуотере, на Парк-стрит, пятнадцать. Уж очень он любил отцовский дом. Мечтал пожарным быть, когда вырастет. Всё бы отдала, – вздохнула она, – чтобы на него хоть разок посмотреть да словечком перемолвиться. Да только... – она махнула рукой.

– Разве вы не можете поговорить с ним? Ну... по телефону, или ещё как-то? – удивился я. Бабушка Вер грустно рас-

смеялась.

— Ох, малыш... Привидения не могут говорить по телефону. Мы вроде как есть... а вроде как и нет. Трубку-то я сниму, да только никто меня не услышит. Я даже письмо написать не могу — стоит отойти в сторону, как чернила пропадут. Ну а что из школы уйти нельзя, и говорить нечего...

Я согласно покивал, будто был крупным специалистом по жизни привидений. Хотя раньше и не задумывался, что призраки привязаны к одному месту.

— Тебе на ужин пора, — с сожалением сказала бабушка, неловко поднимаясь со стула. Я поставил опустевшую кружку на стол и поднялся следом. Миссис Вернер потрепала меня по волосам, и я почувствовал, как они приподнимаются от электричества.

— Ты заходи иногда, — сказала она на прощание. — Больно ты на моего Берни похож, прямо сердце тает.

Я едва не запрыгал от радости, но кое-как сдержался.

— А мистер Митчелл не будет против?

— А что нам мистер Митчелл, — улыбнулась она. — Его, конечно, все уважают, да только после смерти все равны. Что директор, что простая экономка. Ты только тихонько, чтобы никто не видел. А то ваш директор сердиться будет, он у вас страсть какой строгий.

— Наш директор? — оторопел я. — Мистер Фербенкс? Он про вас знает?!

— Конечно, знает! — рассмеялась бабушка Вер. — Я бы ему

и не показывалась, но сэр Джонатан настаивал. «Любой, – говорит, – уважающий себя директор должен знать, что творится в школе». Ох, этот ваш и перепугался, когда мы к нему в кабинет заявились! А предыдущий вообще в обморок упал. У нас, стало быть, уговор: мы не выходим из Старого крыла, а директора его не сносят и не ремонтируют.

Ничего себе новость. Наш директор, оказывается, знаком с призраками. Я распрощался с миссис Вернер, пообещал зайти на следующей неделе, но про себя решил, что фигушки стану ждать так долго. Чего уж, раз сами позвали.

В коридоре почти стемнело, наступало время сумерек. У окна по-прежнему парил над паркетом мрачный мистер Дред – тренировка по регби ещё не кончилась, наш физрук гонял команду до седьмого пота. «Была не была», – подумал я и остановился.

– Добрый вечер, сэр, – произнёс я, сложив руки по швам.

Он бросил хмурый взгляд через плечо и хмыкнул. Я на всякий случай решил, что это считается за «здравствуй».

– Вам нравится наша команда?

Дред помолчал.

– Мне нравится регби, – буркнул он наконец.

– Тренер говорит, что у Митчелла неплохие шансы пройти в финал школьной лиги, – сказал я.

– Чёрта с два, – ответил он и помрачнел ещё больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.